

Тихая вода

Книжка 1

ВИКТОР БЕЗМАТЕРНЫЙ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Виктор Безматерный

Тихая вода. Книга 1

<https://litres.ru/74185882>

SelfPub; 2026

Аннотация

В промзоне находят тело студента Анатолия Пинова. Странгуляционная борозда от витого шнура выглядит слишком профессиональной для обычного убийства. Молодой следователь Владимир Капустин аходит в тупик: начальство требует закрыть дело, улики смываются дождем, а свидетели лгут.

Неожиданным помощником становится Евгения Белова (19 лет) — тихая студентка медучилища с мертвенно-бледной кожей и взглядом, пугающим своей глубиной. Она знает детали дела, которых нет в протоколах, предсказывает следующие ходы убийцы и говорит о смерти языком прозектора.

Капустин делает её своим внештатным консультантом, пытаясь разгадать почерк маньяка-чистильщика, который карает город за грязь. Но чем глубже они погружаются во тьму, тем страшнее становится правда: Убийца оставляет записки кровью жертв.

Каждая новая смерть

А главная загадка — сама Женя. Её амнезия после приступов, странные ритуалы у реки и знание узлов заставляют следователя подозревать, что его помощница ведет свою собственную игру.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виктор Безматерный

Тихая вода. Книга 1

Глава 1

Октябрь в Краснополье пах мокрым шифером, прелой листвой и сгоревшим в частных домах дешевым углем. Дождь шел третьи сутки — не ливень, а мелкая, въедливая морось, которая пробиралась под воротник драпового пальто и превращала единственную асфальтированную улицу города в каток из жидкой грязи.

Евгения Белова шла быстро, втянув голову в плечи. Ее ботинки на толстой подошве чавкали по размытой обочине, оставляя глубокие рубчатые следы, которые тут же заполнялись мутной водой. Ветеринарная клиника, где она подрабатывала уборщицей второй год, закрылась час назад, но темнота еще даже не думала сгущаться — ее заменяла свинцовая тяжесть низких туч.

Она свернула во двор панельной пятиэтажки, где жила с матерью. Под единственным тусклым фонарем у третьего подъезда что-то лежало. Сначала Женя подумала, что

это просто мусорный пакет, выброшенный мимо контейнера, илидохлая крыса. Но когда она подошла ближе, желтый свет лампы выхватил из полумрака маленькое рыжее тельце. Котенок. Соседский полосатый Мурзик.

Шея животного была свернута под неестественным углом. На серой от пыли шерсти запеклась бурая корка. Глаза, обычно наглые и зеленые, были затянуты белесой пленкой. Он не выглядел сбитым машиной — на нем не было следов шин, только одна глубокая, почти ювелирная борозда на горле, словно кожу проткнули чем-то тонким и провернули.

Женя присела на корточки. Она не закричала. Не заплакала. Внутри нее вместо привычного человеческого ужаса поднялась холодная, тяжелая волна раздражения. Мир снова был грязным. Люди снова оставили после себя гниль.

— Слишком рано, — прошептала она пересохшими губами, глядя на мертвое животное. До их ритуала оставалось еще два дня.

Она стянула с шеи длинный вязаный шарф — серый, колючий, связанный матерью прошлой зимой. Осторожно, стараясь не смотреть в застывшие глаза котенка, она обернула его тело тканью. Труп оказался странно тяжелым и гибким одновременно, как мягкая игрушка, набитая песком. Шарф

мгновенно потемнел от влаги и крови.

Держа сверток на вытянутых руках, чтобы не испачкать пальто, Женя пошла дальше, к гаражному кооперативу за домом. Там, между рядами ржавых металлических коробок, спускался крутой глинистый откос прямо к берегу местной реки Тихой. Реку называли так либо в издевку, либо давно забыв, сколько людей утонуло в ее черных водах каждую весну.

Спускаться было тяжело. Ноги скользили по размокшей глине, Женя дважды упала на колени, пачкая ладони в жирной земле. У самой кромки воды рос старый, расщепленный молнией тополь. Его корни торчали из берега, как костлявые пальцы утопленника. Именно здесь заканчивались все дороги этого города.

Женя развернула шарф. Дождь усилился, капли барабанили по рыжей шерстке. Она посмотрела на воду — черную, маслянистую, медленно текущую куда-то в сторону областного центра, растворяя в себе отходы местного химкомбината.

Она раскачала сверток и швырнула его подальше от берега. Котенок плюхнулся в воду беззвучно. Пару секунд течение волокло его вдоль камышей, затем намокшая шерсть увлекла его вниз. Вода сомкнулась над ним, пошли ленивые

круги, и река приняла свою дань.

Женя сидела на мокрой траве, обняв колени, и смотрела на то место, где исчез котенок. Ей стало легче. Ощущение невыносимой физической тошноты, которое преследовало ее последние дни — тошнота от запаха хлорки в клинике, от перегара отчима подруги, от вечно недовольного лица матери — отступило. Баланс был восстановлен. Она вынесла грязь наружу.

В кармане пальто завибрировал старенький кнопочный телефон. Звонила мама.

— Женя? Ты где шляешься? Ужин остыл. И почему ты задержалась? Я звонила в клинику, тебя отпустили в пять!

Марина Ивановна никогда не спрашивала, как прошел день. Она требовала отчета о передвижениях.

— Задержалась автобус, мам. Пробки из-за дождя, — безэмоционально ответила Женя, поднимаясь и отряхивая пальто. На рукаве осталась прилипшая рыжая шерстинка, но Женя ее не заметила. — Уже бегу.

Она начала карабкаться обратно по склону. Ботинок соскользнул, и она больно ударилась голенью о торчащую арматуру, но даже не поморщилась. Боль была физическим доказательством того, что она существует отдельно от той тьмы,

которую только что скармливала реке.

Выбравшись наверх, она оглянулась на воду. Река текла ровно, равнодушно отражая бледное пятно одинокого фонаря. Где-то вдалеке, со стороны старого кирпичного завода, который городские власти никак не могли снести уже лет десять, протяжно и тоскливо завывала собака. Или человек, очень похожий на собаку.

Женя плотнее запахнула мокрое пальто и быстрым шагом направилась домой, в теплую духоту квартиры, где мать наверняка уже стояла у плиты, вооружившись деревянной лопаткой, готовая защищать свой идеальный порядок от несовершенства этого мира. А глубоко внутри, там, где у нормальных людей живет совесть, Евгения Белова чувствовала лишь глухую, сырую пустоту и удовлетворение хорошо выполненной работы.

Глава 2

Морг районной больницы Краснополя располагался в цокольном этаже хирургического корпуса. Здание построили еще при Хрущеве, и с тех пор фундамент медленно оседал в болотистую почву. В коридоре пахло карболкой, застарелой кровью и сыростью — тем самым запахом вечной осени, который въедался в легкие сотрудников прокуратуры.

Владимир Капустин сидел на подоконнике, прислонившись виском к холодному стеклу. От окна тянуло могильным сквозняком. В свои тридцать девять Владимир выглядел на все пятьдесят: глубокие залысины, мешки под глазами цвета старого асфальта и тяжелая складка у рта, появившаяся от привычки стискивать зубы во время планерок у начальства.

На коленях у него лежала тонкая картонная папка. *«Материалы проверки по факту смерти гражданина Пинова А.С., 2004 г.р.»*. Внутри — три листочка формата А4, исписанные корявым почерком участкового. «Труп обнаружен гражданином Сидоровым И.В. (без определенного места жительства) в заброшенном цеху валяльной фабрики... следов борьбы не обнаружено... предположительно, асфиксия или передозировка суррогатами».

— Суррогатами он подавился, — хрипло пробормотал Владимир, затягиваясь дешевой сигаретой без фильтра. Дым сизыми кольцами уходил в вытяжку, которая давно перестала работать.

Дверь холодильной камеры лязгнула металлом. Вышел пожилой патологоанатом Аркадий Борисович, вытирая руки серым вафельным полотенцем. На его лице застыло выражение брезгливой усталости человека, которого жизнь заставила копать в чужих внутренностях за зарплату школьного учителя.

— Готово, Володя, — сказал он, тяжело опускаясь на стул для посетителей. — Твой комсомолец. Заходи, полюбуйся. Только ноги вытри, я тут хлоркой только что плеснул.

Капустин спрыгнул с подоконника и вошел в прозекторскую. Запах здесь стоял концентрированный — формалин, дерьмо и сладкий дух разложения, который не могла перебить никакая химия.

Анатолий Пинов лежал на оцинкованном столе. Совсем мальчишка. Детский пушок над верхней губой, модная стрижка, которую уже никто никогда не поправит. Кожа была восковой, с желтоватым подтоном. Но внимание Влади-

мира привлекла шея.

Аркадий Борисович подошел и пинцетом приподнял подбородок трупа.

— Смотри сюда, опер. Это тебе не веревка из хозяйственного магазина.

На горле, чуть ниже кадыка, темнела странная борозда. Она не была похожа на след от обычной удавки — та оставляет широкую полосу сдавливания. Здесь же кожа была рассечена двумя параллельными линиями, между которыми вздулся багровый отек. Линии были идеально ровными, словно их выжгли каленым прутком или затянули проволоку со звериной силой.

— Что это? — спросил Капустин, наклоняясь ближе. Он почувствовал металлический привкус во рту.

— Витой шнур, — уверенно ответил врач. — Бельевая веревка. Старая, советская, синтетическая. Помнишь такие? Белые, жесткие, они еще белье резали, если вешать пересушенное. Ее сложили вдвое и перекрутили. Видишь рисунок на коже? Оплетки отпечатались. Узел профессиональный, морской, самозатягивающийся. Как только парень начал хрипеть, петля сжалась намертво. Он задохнулся минуты за полторы. Чистое убийство. Никакого суицида.

Владимир отпустил подбородок. Голова мертвеца безвольно упала набок с глухим стуком металла о металл.

— Передоза нет?

— Какой там. Желудок чистый, как слеза младенца. Печень здоровая, даже удивительно для этого возраста. Сердце остановилось от нехватки кислорода. Его убили, Володя. Аккуратно, быстро и очень злобно. Ненавистью несет за версту.

Они вышли обратно в коридор. Капустин снова закурил, нарушая все возможные правила пожарной безопасности.

— Закрываем несчастный случай? — осторожно спросил Аркадий Борисович, кивнув на потолок. Где-то там, тремя этажами выше, сидело районное руководство, которому выборы мэра через месяц были важнее какой-тодохлой молодежи в промзоне.

— Разбежался, — выдохнул дым Владимир. — У нас серийник нарисовывается, Борыч. Я нутром чую. Посмотри статистику за последние два года. Сколько пропало без вести? Рыбаки, которые не вернулись с Тихой? Бомжи? Мы списывали это на реку, на алкашей. А теперь вот это. Чистая работа. Ни спермы, ни крови чужой группы, ни отпечатков. Работает кто-то местный. Кто знает каждый кирпич на этой фабрике.

В кармане пальто завибрировал телефон. Старый Nokia издал звук трещотки. Капустин посмотрел на экран. Неиз-

вестный номер.

— Капустин слушает.

— Владимир Сергеевич? — голос был тихим, почти детским, но лишенным подростковой звонкости. В нем звенела сталь. — Это Евгения Белова. Однокурсница Анатолия. Из медучилища.

Владимир выпрямился. Рука, держащая сигарету, замерла.

— Женя? Да, узнал. Соболезную. Зачем ты звонишь?

— Я видела рапорт участкового. Там написано, что он мог умереть от переохлаждения. Но Толю убили, — она сделала паузу, ровно дыша в трубку. — Я знаю этот тип асфиксии. Нам показывали на судебной медицине. Это называется странгуляционная борозда от витого шнура с крутящим моментом. Петлю вращали, пока ломали позвонки. Чтобы было больнее. И быстрее. Участковый ошибся. Или соврал.

Капустин молчал, глядя, как пепел падает на затоптанный линолеум. Девятнадцатилетняя студентка-медик говорила языком прокурора республики. Без истерики, слез и соплей. Просто констатировала факт расчлененной реальности.

— Ты где сейчас? — наконец выдавил он.

— Недалеко от милиции. Стою под козырьком почты. Тут

дождь.

— Жди. Никуда не ходи. Через десять минут выйду. Покурю только.

Он нажал отбой и раздавил окурок в консервной банке, служащей пепельницей.

Аркадий Борисович сочувственно посмотрел на следователя:

— Повезло тебе с помощницей. Студентка-сиротинушка?

— Лучше бы сиротинушка, — мрачно отозвался Владимир, проверяя наличие табельного ПМ в кобуре под мышкой. — Была бы просто запуганной девочкой. Было бы проще.

Он вышел на улицу. Дождь усилился, превратившись в настоящий ливень. Под пластиковым навесом отделения связи стояла тонкая фигура в сером бесформенном пальто. Она не ежилась от холода, хотя ветер швырял ей капли воды прямо в лицо. Она смотрела на черную ленту реки в конце улицы так же пристально, как сам Владимир минуту назад смотрел в мертвое лицо однокурсника. Будто ждала, когда вода заберет очередную порцию грязи.

Евгения Белова подняла голову. В свете уличного фонаря ее бледное лицо казалось совершенно бескровным, а глаза — слишком темными и глубокими для девятнадцатилетней

девушки.

— Расскажите мне всё, — сказала она. Губы едва шевельнулись, но Владимир услышал каждое слово сквозь шум дождя.

Глава 3

Кафе «Волна» было единственным местом в Краснополе, где можно было выпить растворимого кофе из пластикового стаканчика, не рискуя подхватить дизентерию. Пахло здесь пережаренным тестом и хлоркой. За окном лило так, что неоновые вывески круглосуточного магазина напротив расплывались в акварельные пятна.

Владимир Капустин сидел за столиком у окна, отодвинув подальше липкую салфетницу. Перед Евгенией стоял высокий бумажный стакан с чаем — Владимир настоял, чтобы она взяла горячий напиток. Она держала его обеими руками, но даже не пыталась сделать глоток. Пар давно осел на стекле крошечными каплями, похожими на пот.

— Чай остыл, — тихо сказал Владимир.

— Я знаю, — отозвалась Женя. Ее голос звучал ровно, но пальцы, сжимающие картон, побелели от напряжения. — Расскажите про борозду еще раз. Ту, на шее.

Капустин тяжело вздохнул и потер переносицу. От девушки исходил странный холод, который не мог перебить жар батареи отопления под их столом. Это был холод прозектор-

ской.

— Толю душили витым шнуром. Сложенным вдвое. Кто-то подошел сзади или сбоку, накиннул петлю и резко крутанул. Там сложный перелом подъязычной кости. И характерные кровоподтеки на предплечьях. Он пытался оттянуть веревку, но сил не хватило. Или ему сразу сломали руки.

— Ему ломали указательные пальцы, — вдруг сказала Женя, глядя прямо в глаза следователю. — Не для того, чтобы он не сопротивлялся. Чтобы он не мог перекреститься перед смертью. Толя ходил в воскресную школу при соборе до седьмого класса. Потом бросил. Убийца об этом знал.

У Владимира перехватило дыхание. В личном деле студента такой информации не было. Участковый писал со слов матери парня, которая сейчас находилась в состоянии аффекта и вряд ли могла вспомнить религиозное прошлое сына пятилетней давности.

— Откуда ты это знаешь?

— Мы сидели вместе на латыни. Когда преподаватель отворачивался, он рисовал кресты на полях тетради. Старательно выводил перекладины. А когда нервничал, всегда хрустел именно указательными пальцами. Сначала левым, потом правым.

Она наконец сделала глоток холодного чая и поморщи-

лась.

— Его убили не потому, что он кому-то задолжал денег, — продолжила Женя, поставив стакан. — И не ради ограбления. Куртка у него была новая, японская, я видела ее на нем во вторник. Телефон тоже остался в кармане, менты бы заметили пустые карманы в протоколе осмотра. Его убрали как ошибку. Как бракованную деталь. Вычистили город.

В этот момент входная дверь кафе с грохотом ударилась о стену. На пороге стояла Марина Ивановна Белова. Вода стекала с полей ее старомодной болоньевой куртки прямо на затоптанный пол. Лицо женщины было белым, губы сжаты в тонкую бескровную нить.

Она обвела помещение тяжелым взглядом исподлобья, мазнула им по Владимиру — оценивающе, враждебно — и остановилась на дочери.

— Евгения. Домой. Немедленно.

Женя вздрогнула, словно ее ударили током. Она инстинктивно вжалась в жесткую спинку пластикового стула. Весь налет спокойствия и профессиональной отстраненности слетел с нее за секунду. Перед Владимиром снова сидела перепуганная девятнадцатилетняя девочка.

— Мама, я... мы просто...

— Я вижу, с кем ты «просто», — отрезала Марина Ивановна. Она подошла к столу тяжелой, властной походкой. — Товарищ следователь. Если вам нужны свидетельские показания, присылайте повестку по месту жительства. Моя дочь несовершеннолетняя, и после занятий она должна находиться дома. Особенно сейчас, когда в городе орудует маньяк.

Последнее слово она произнесла с видимым удовольствием, смакуя чужую трагедию как повод для установления своей диктатуры.

Владимир медленно поднялся. Ростом он был выше Марины Ивановны на голову, но рядом с ней казался съежившимся.

— Гражданка Белова, ваша дочь оказывает добровольное содействие следствию. Это важно для раскрытия убийства ее друга. Статья сто сорок четвертая УПК РФ позволяет опрашивать граждан в любом удобном месте.

Марина Ивановна усмехнулась. Сухой, неприятный звук. — Уголовно-процессуальный кодекс? Читала я ваши кодексы, товарищ капитан. По ним убийц иногда отпускают за недоказанностью. А моя Женечка останется дома. Где ей ничего не угрожает. Пока она сидит со мной, вы можете ловить кого хотите. Хоть черта лысого.

Она схватила дочь за локоть. Пальцы у нее были железные, покрытые сухой, пергаментной кожей. Женя пискнула от боли и вскочила, едва не опрокинув холодный чай себе на джинсы.

— Оставьте синяк, — ровным голосом предупредил Владимир, делая шаг вперед. — Мне придется зафиксировать побои и оформить протокол воспрепятствования законной деятельности сотрудника правоохранительных органов. Вам это нужно, Марина Ивановна? Сходить в ваш же горono? Вас там любят, кажется.

Мать замерла. Рука на локте Жени дрогнула. Угроза попасть в официальные бумаги — стать частью той самой грязи, которую Марина Ивановна ежедневно мела из своего подъезда, — подействовала лучше любого крика. Женщина отпустила дочь, брезгливо дернув плечом.

— Дрянь неблагодарная, — прошипела она Жене. — Шлюха прокурорская. Собирайся.

Женя метнула отчаянный взгляд на Владимира. В ее глазах плескался ужас — не перед маньяком, а перед тем, что начнется дома, когда они останутся одни.

— До свидания, Евгения, — громко сказал Капустин, обращаясь скорее к матери, чем к девушке. — Завтра в десять утра жду вас в кабинете номер четыре. Пропуск выпишут

внизу. Форма одежды любая. Только без шапки, мне нужно видеть лицо.

Они вышли на улицу втроем. Дождь хлестал ледяными плетьюми. Марина Ивановна тут же развернула Женю к себе спиной, загораживая собой от следователя, и поволокла ее к старой проржавевшей «шестерке», припаркованной у лужи.

Владимир закурил, пряча зажигалку от ветра в ладонях. Он смотрел, как светятся задние габариты уезжающей машины. Девочка знала слишком много. Опасно много для случайной свидетельницы. Но пугало его другое: когда мать тащила Женю к выходу, та успела обернуться через плечо. И в ту долю секунды, пока стекло двери не отсекло ее лицо, Владимир увидел улыбку. Легкую, почти незаметную, приподнявшую уголки губ.

Так улыбаются дети, которым подарили то, о чем они долго просили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.